

УДК 81'33

Е. А. Кожевникова, М. А. Осадчий

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ¹

В статье рассматривается актуальность возникновения и функционирования нового типа креолизованных текстов – конфликтогенных креолизованных текстов, выступающих в качестве объекта судебной лингвистической экспертизы. Анализируется структура данного текста, описываются его основные отличительные черты. Рассматривается проблема взаимодействия вербального и невербального компонентов конфликтогенного креолизованного текста, способы интерпретации такого текста на конкретном примере.

Ключевых слова: семиотика, креолизованный текст, гибридный текст, коммуникативный акт, рекламный текст, вербальный компонент, изображение, конфликтогенный текст.

Е. А. Kozhevnikova, M. A. Osadchiy

CREOLIZED TEXT AS AN OBJECT OF FORENSIC LINGUISTICS

This article discusses the actual relevance and operation of a new type of creolized texts, conflict-creolized texts, serving as the object of linguistic forensic examination. The author analyses structure of such text, describes its basic distinctive lines. The author consider the problem interaction of verbal and nonverbal components conflict creolized text, ways of interpretation of this text on example.

Keywords: semiotics, creolized text, hybrid text, communicative certificate, advertizing text, verbal component, image, conflict text.

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 11-34-00324а2).

В последнее время большое внимание исследователей уделяется изучению текстов, структура которых представляет собой синтез естественного языка с различными семиотическими системами, то есть текст, состоящий из вербальной и невербальной составляющих. Такой тип текстов в современной лингвистике получил название «креолизованного текста». Данный термин впервые был введен Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым (1990). Они дают следующее определение креолизованного текста: это «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [19, с. 180–181]. Иными словами, креолизованный текст – это текст, который состоит из двух взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов: вербального (языкового) и невербального (изображение, звук).

В центре нашего внимания находится креолизованный текст как объект судебной лингвистической экспертизы. По определению А. Н. Баранова, лингвистическая экспертиза рассматривается как направление прикладной лингвистики и как составная часть судебной лингвистики. Лингвистическая экспертиза чаще всего понимается как использование знаний о функционировании языка в проведении следствия, функционировании языка в суде, языковые требования к оформлению юридических документов, интерпретация семантики текстов документов и т. д. [4]. Заключение эксперта-лингвиста зачастую несет важное доказательственное значение по уголовному или административному делу.

В качестве объекта лингвистической экспертизы нередко выступают тексты экстремистской направленности, тексты, призывающие к религиозной, расовой ненависти и вражде, дискриминации и т. д. Такие тексты,

как правило, построены по типу креолизации, то есть представляют собой синкретизм вербального и изобразительного. Данное построение, как было указано выше, преследует явную цель – оказать воздействие на реципиента путем формирования у него определенных взглядов, идей, настроений, а шире – побудить к совершению действий.

В качестве примера нами были выбраны два текста.

Текст 1 представляет собой картинку, состоящую из двух частей. В первой части изображены девять человечков, восемь из которых с белым цветом кожи, один – с черным. Человечки с белым цветом кожи держат в руке транспарант красного цвета, на котором содержится надпись: «Нет – расизму!» Вторая часть картинки предваряется надписью: «...лет спустя». Ниже изображены те же девять человечков, только теперь, наоборот, восемь из них обладают черным цветом кожи, один – белым. Человечки с черным цветом кожи держат в руках красный транспарант с той же самой надписью: «Нет – расизму!» Под этими двумя частями одной картинки имеется надпись, подытоживающая общий смысл изображений: «ЗАСТУПАЙСЯ ЗА ДРУГИЕ РАСЫ, ведь потом они заступятся за твою».

Таким образом, общая концепция Текста 1 – процесс уменьшения численности представителей европеоидной расы и увеличение численности представителей негроидной. При этом смысл всех надписей формирует в сознании читателя мысль о том, что этот процесс обусловлен – чем больше людей с «черной» кожей, тем меньше людей с «белой», представители европеоидной расы ассимилируются под влиянием негроидной.

Текст 2 выглядит следующим образом: на заднем плане частично изображены три человека, одетых в камуфляжную форму (лица людей не изображены), двое из кото-

рых держат в руках транспарант красного цвета. Данный транспарант является центральным изображением всей картинке. На полотне красного цвета изображен мужчина в камуфляжном костюме, на голову мужчины надета черная маска с прорезями для глаз и рта, в левой руке он держит автомат. Правая рука человека поднята вперед и вверх. Данный жест напоминает жест приветствия представителей нацистских организаций. На левом рукаве мужчины содержится нашивка со знаком, сходным до степени смешения с нацистской свастикой. Также данный знак, напоминающий свастику, изображен на красном полотне транспаранта над головой мужчины. Справа от изображенного человека на полотне транспаранта содержится надпись следующего содержания: «Будущее принадлежит НАМ!!!» Таким образом, вербальная часть креолизованного Текста 2 состоит всего из одной фразы («Будущее принадлежит НАМ!!!»), в то время как все остальное – рисунок, изображение. Смысл данного текста заключается в том, что в будущем, вероятно, некие полномочия либо приоритет в чем-то будет у людей, принадлежащих, скорее всего, к каким-либо националистическим военным организациям.

Эти примеры (Текст 1; Текст 2) представляют собой типичный случай креолизованного текста, состоящего из вербального компонента и изображения. В обоих примерах вербальная часть отсылает читателя к изображению. Значение вербальной части накладывается в сознании реципиента на значение изображения. Далее эти два значения интегрируются и «образуют сложно построенный смысл» [1]. При этом вербальная информация влияет на сознание читателя, в первую очередь, рациональным путем, в то время как изображение апеллирует в большей степени к эмоциональной сфере человека, за счет чего достигается значительный воздействующий

эффект. Задача эксперта-лингвиста состоит в интерпретации смысла такого текста и выявлении его интенциональной направленности.

Можно говорить о том, что креолизованные тексты рекламы, креолизованные тексты политической коммуникации и тексты, выступающие в роли объекта лингвистической экспертизы, во многом сходны друг с другом (структура, характер корреляции компонентов, составляющих эту структуру, свойства и функции и т. д.). Креолизованные тексты как объект судебной лингвистической экспертизы, так же, как и другие типы негомогенных текстов, подвергаются классификации по характеру взаимосвязей единиц, составляющих их структуру. Наиболее подходящей, применительно к нашему объекту исследования, представляется классификация, выдвинутая Колтышевой Е. Ю. [15, с. 171]. Исследователь в своей статье оперирует термином *креолизованная диктема* и приводит следующую типологию подобного рода текстов:

1) взаимообусловленные тексты, в структуре которых вербальный и изобразительный компонент равноправны и подвергаются интерпретации в совокупности друг с другом;

2) тексты с определяющим вербальным компонентом, где изображение зависит от вербального компонента, и без последнего смысл изображения может быть неясен или превратно истолкован (напр., Текст 1);

3) тексты с определяющим визуальным элементом, где изображение доминирует, играя ведущую роль в раскрытии темы, и определяет интерпретацию вербальной части (напр., Текст 2).

Однако, несмотря на естественную схожесть различных креолизованных текстов, тексты как объект судебной лингвистической экспертизы все же обладают спецификой, позволяющей выделить их в особую группу гибридных текстов и расценивать как отдельный объект для научного исследования.

Важной отличительной чертой креолизованных текстов, ставших объектом судебной лингвистической экспертизы, является так называемая конфликтогенная природа данных текстов. Как и у любого другого текста, у конфликтогенного креолизованного текста присутствует автор и круг читателей – целевая аудитория. Конфликт, который может спровоцировать такой текст, возникает между неким объектом, которому дается оценка в этом тексте, и целевой аудиторией, между объектом и самим автором текста, дающим оценку этому объекту.

Несколько иную структуру коммуникативного акта имеет рекламный текст. Есть изготовитель/автор рекламного текста, есть рекламируемый объект, наделенный исключительно положительными характеристиками, и есть целевая аудитория, которой данный текст адресован и которая подвергается воздействию. Цель такого воздействия – побудить адресата приобрести рекламируемый объект. Конфликт в данной ситуации априори возникнуть не может.

Креолизованный текст, находящийся в центре нашего внимания, построен с ориентацией на конфликтные ситуации. В структуре коммуникативного акта, рассматриваемого нами, объектом является лицо или группа лиц, наделенных исключительно отрицательными характеристиками и выступающих в связи с этим в роли «жертвы». Цель воздействия на адресата в данном случае – формирование у последнего «негативного образа» «жертвы» и, далее, потребности совершить какие-то враждебные действия против этой «отрицательной» «жертвы». Основной конфликт возникает между «жертвой» и изготовителем такого текста, так как, в свою очередь, «жертва» может предпринять какие-то действия против изготовителя текста.

Поскольку создается «негативный образ» того или иного человека или группы лиц, что

влечет за собой враждебные действия против этого образа, то мы можем говорить о потенциальной правовой опасности, заключенной в таких конфликтогенных текстах. Это означает, что текст влечет за собой негативные последствия, выражающиеся в нарушении или ограничении конституционных прав и свобод человека. В связи с этим возникает еще один субъект, который выступает в роли защитника этих прав и свобод и в то же время в роли исполнителя наказания лица, которое осознанно и целенаправленно провоцирует ситуацию нарушения/ограничения прав и свобод, – изготовителя текста.

Более подробная характеристика всех участников коммуникации и механизм возникновения конфликтов выглядят следующим образом.

1. «Изготовитель» при помощи созданного им конфликтогенного креолизованного текста совершает, как минимум, два действия: наделяет «объект» отрицательными характеристиками и возбуждает в «адресате» ненависть и потребность к вражде с этим «объектом». Возникает конфликт между «адресатом» и «жертвой».

2. «Жертва» самостоятельно направляет действия на «изготовителя» либо обращается к «государству» для своей защиты. Возникает конфликт между «жертвой» и «изготовителем».

3. «Государство» защищает «жертву» и наказывает «изготовителя». Возникает конфликт между «государством» и «изготовителем».

Подобная сложная схема взаимодействия всех участников конфликтной коммуникации оказывает большое влияние на структуру и особенности построения креолизованного текста как объекта судебной лингвистической экспертизы. Как правило, каждый из участников находит свое отображение в структуре такого текста. «Объект»/«жертва» изобража-

ется в нарочито негативном ракурсе, доминирующую роль в тексте играет, зачастую, невербальный, изобразительный компонент, заключающий в себе этот отрицательный образ. За счет изобразительного компонента, а не языкового, в большей степени создается отрицательный образ «жертвы» как «врага», «чужеземца». «Изготовитель» приобщает себя к «адресату», в тексте они объединяются в одну группу, по общим для них признакам: национальность, раса, религия и т. д. То есть в тексте возникают два полюса: «отрицательный образ» «объекта» – «положительный образ» лиц, куда входят «адресат» и «изготовитель» текста. Такой компонент структуры, как «государство», также в ряде случаев находит свое отражение в тексте. Он может сам выступать в качестве отрицательного «объекта»/«жертвы» либо изображается как сочувствующим «жертве», выступающим в качестве ее защитника, на страже ее интересов, и тем самым приобретает негативные характеристики и приближаться к полюсу «врага». Однако, несмотря на это, «изготовитель» при создании креолизованного текста, реализуя свою целеустановку, оценивает функции «государства» как субъекта, предупреждающего и пресекающего правовую опасность текстов, и создает текст с учетом этих фактов. В свою очередь, это сказывается на структуре самого текста, на выборе языковых и неязыковых средств. Ярким показателем наличия государственного регламента является высокая степень имплицитности смысла такого текста. Имплицитно выраженными в структуре креолизованного текста могут быть негативные сведения о «жертве» либо само побуждение к враждебным действиям против «жертвы».

Сложность подобного рода текстов заключается в том, что, если рассматривать лишь вербальную часть отдельно от изображения, вывод об экстремистской направ-

ленности текста становится невозможным, поскольку только по языковой части текста нельзя определить, кто является объектом побуждения и конкретно против кого должны быть направлены враждебные действия. Такое построение текста вовсе не случайно, так как именно такая имплицитность авторского замысла говорит об осознании автором правовой опасности текста. И именно на этом этапе интерпретации текста целесообразно говорить о таком компоненте структуры, как «государство», осуществляющем защиту «объекта» и наказание «изготовителя» текста. «Государство» как компонент коммуникативного акта не имеет своего выражения в самом тексте, однако «изготовитель» при создании такого текста непременно учитывает наличие и позицию «государства» и свою правовую ответственность. Такая «оглядка» автора текста на «государство» приводит к тому, что основные компоненты структуры находят свое отражение в невербальной части, которая при производстве судебной лингвистической экспертизы выходит за рамки исследования в силу причин, о которых было сказано выше. Вербальная часть текста, зачастую, построена таким образом, что рассмотреть в ней признаки правонарушения не представляется возможным, а анализ ее в отрыве от контекста может привести к противоречивым выводам.

Второй отличительной чертой синкретичных текстов как объектов лингвистической экспертизы от других креолизованных текстов, например, рекламы заключается в том, что методы, применяемые экспертом и ученым-лингвистом при исследовании таких текстов, могут отличаться друг от друга. Как было отмечено выше, перед экспертом стоит задача, прежде всего, интерпретировать смысл текста, учитывая семантику, в первую очередь, вербальной части, потом уже и изобразительной. При определении

смысла креолизованного текста судебный эксперт-лингвист будет оперировать устоявшимися апробированными научными методами, такими как: метод семантико-синтаксического и лексико-семантического анализа, метод компонентного анализа слов, концептуального анализа, анализа коммуникативной организации текста, представляющей собой актуальное членение текста, пропозиционального анализа, функционально-прагматического анализа, позволяющего выявить иллокутивную функцию высказывания и определить тип речевого акта и т. д.

Любой другой исследователь креолизованных текстов наряду с вышеперечисленными методами может применять различные экспериментальные исследования, например, метод психолингвистического эксперимента, метод социологического опроса носителей языка, метод фреймового анализа структуры креолизованного текста и многие другие. Так, например, И. В. Вашунина в своих работах представляет результаты экспериментального исследования восприятия креолизованных текстов, суть которого состоит в опросе некоего количества реципиентов. На основании такого опроса исследователь дает заключение об особенностях восприятия и оценки человеком того или иного креолизованного текста в зависимости, например, от характера и специфики изобразительного компонента [7, с. 223–227].

Эксперт-лингвист, приступающий к производству судебной лингвистической экспертизы, объектом исследования которой является «гибридный» текст, не может себе позволить прибегнуть к подобным экспериментальным методам, несмотря на все их преимущества, зачастую позволяющие наиболее полно и разносторонне описать, например, семантику подобных текстов или же особенности их восприятия носителями языка. Эксперт при изучении креолизованного

текста делает акцент именно на вербальной его составляющей, нередко воспринимая невербальный компонент в качестве необязательной факультативной части текста, выполняющей всего лишь аттрактивную функцию. В то же время значительное количество креолизованных текстов как объектов лингвистической экспертизы построены таким образом, что составляющие их вербальный и невербальный компоненты находятся друг с другом в синсемантических отношениях, то есть изображение в большей степени участвует в организации текста, и основной смысл текста заложен именно в изображении.

Такое ограничение в выявлении смысла креолизованного текста вызвано тем, что семантика невербального компонента (изображения, фотографии и т. д.) может обладать значительной размытостью, неопределенностью, абстрактностью по сравнению с семантикой слова, словосочетания, предложения, и описать ее теми же категориями, которые используются при описании семантики слова, практически невозможно. Наряду с этим существует проблема выделения дискретных единиц невербальной части.

Поскольку судебная лингвистическая экспертиза является документом, несущим в себе доказательственное значение в судебном разбирательстве, то и методы, используемые при анализе какого-либо объекта, должны быть строго научными апробированными методами, не допускающими субъективных оценок и суждений.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: креолизованный текст как объект судебной лингвистической экспертизы является особым специфическим объектом для научного исследования, обладающим сложной структурой. В креолизованном тексте по-разному могут отражаться участники коммуникативного акта: «изготовитель», «адресат», «жерт-

ва», «государство». Такие важные компоненты как «адресат» и «жертва» в большинстве случаев представлены при помощи неязыковых элементов, что затрудняет их определение и делает анализ такого текста непродуктивным. Наличие «государства» в структуре коммуникативного акта играет особую роль,

приводящую к эллиптичности и имплицитности текста. В итоге, изучение креолизованных конфликтогенных текстов требует пристального внимания и разработки новых подходов к выявлению и описанию их структуры, семантики, особенностей и степени их воздействия на носителей языка.

Литература

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Academia, 2003. – 128 с.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. – 1996. – № 5.
3. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. – 1992. – № 4. – С. 71–78.
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2000.
5. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск, 2000. – Вып. 3(11).
6. Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. – М.: Логос, 2003.
7. Вашунина И. В. Особенности оценки креолизованного текста в зависимости от параметров иллюстрации // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 4. – С. 223–227.
8. Воробьева Е. В. К вопросу о взаимодействии вербальных и визуальных средств в креолизованном тексте // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». – 2009. – № 10 (44). – С. 54–58.
9. Воронина О. А. Карикатура как вид креолизованного текста // Вестник ЦМО МГУ. – 2009. – № 2: Русистика. – С. 14–18.
10. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. – Вып. 1(21) / Урал. гос. пед. ун-т; гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2007. – С. 75–80.
11. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – Вып. 3(23) / Урал. гос. пед. ун-т; гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2007. – С. 73–78.
12. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
13. Головина Л. В. Влияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986.
14. Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
15. Колтышева Е. Ю. Креолизованная диктема как структурно-смысловой элемент рекламного текста // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2008. – № 1. – С. 168–176.
16. Лазарева Э. А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики // Лингвистика. – Екатеринбург, 2003. – Т. 9.
17. Нефедова Л. А. Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста // Вестник ЮУрГУ. – 2010. – № 1. – С. 4–9.
18. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997.
19. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990.